

Проказы Розины

Театр «Урал Опера» сместил акценты в «Севильском цирюльнике»... не изменив Россини

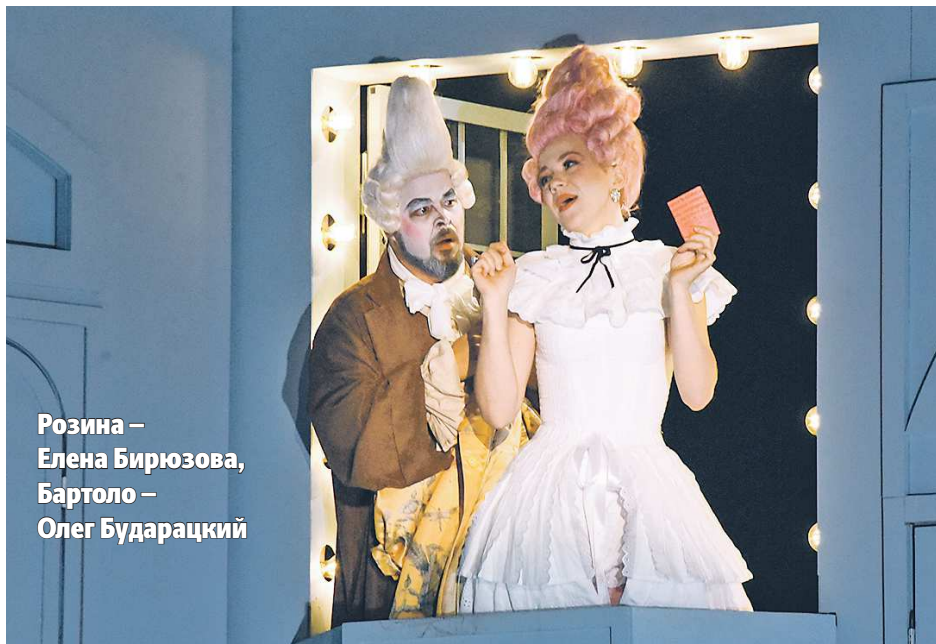
Ирина КЛЕПИКОВА

«Урал Опера» пошел в новом сезоне с крупного козыря – «Севильского цирюльника» Джоаккино РОССИНИ. Беспроигрышный вариант с точки зрения внимания публики, поскольку опера буквально начинена хитами. В иные времена меломаны приезжали на спектакль, чтобы в очередной раз услышать арию Фигаро или арию Розины. Но театру «Урал Опера» давно уже мало «улаживать слух», балуя зрителей только парадом вокала.

И хотя давний тренд театра – современные авторы и названия в афише (нередко мировые премьеры), «Урал Опера» ищет новые ходы и в популярной классике. «Севильский», можно сказать, сам напрашивался на них. В декабре 1912 года опера была одной из первых премьер нового театра в Екатеринбурге и с тех пор надолго не исчезала из репертуара. И понятно же: взявшись в очередной раз за шедевр Россини, театр хотел и зрителей удивить, и себе доставить удовольствие. И снова пошел ва-банк. Кстати, имел на то право.

Известно: Розину поют сопрано. Такая традиция XX века. В новой постановке партия отдана голосу, для которого и написана, – меццо-сопрано. Колоратурное, но – меццо. Впервые за долгое время театр вернулся к замыслу Россини. При этом постановщики подчеркивают: нельзя ставить на меццо, если его нет. А в театре сейчас есть. Даже две. На них и поставили. И для самого популярного (наряду с «Кармен») названия в истории театра это новая веха. Совершенно другая драматургия раскрытия образа, потому что у Россини написана не бедная девочка, а бедовая. Половину происходящего Розина сама подстраивает. Она участник и двигатель событий. И это поддерживается типом голоса. Остается произнести банальное: автор же думал, когда голоса подбирал...

В отличие от устоявшихся традиций «Урал Опера» не ставит шедевр Россини всерьез. Как реальную историю из давних времен, которая, кстати, вполне могла приключиться. У театра взгляд со стороны. Из нашего времени. Но без переде-

Розина –
Елена Бирюзова,
Бартоло –
Олег Будацкий

ваний героев в пиджаки и кроссовки. Так бывает, когда мы берем в руки старинную вещь, и она, несущая в себе эпоху, вдруг пробуждает фантазию. Вокруг милой раритетной вещицы вдруг оживает эпоха.

В «Урал Опер» это происходит не «вокруг», а «внутри». Милой вещицей становится старинная шкатулка с выдвижными ящичками, которые позволяют менять и сцены, и мизансцены.

– «Севильский цирюльник» – комедия положений. И она становится смешной, только когда ты это учишь, – говорит режиссер-постановщик **Надежда Столбова**. – Мы не хотели «входить» в реальные декорации. Такой спектакль ставился много раз. Очень хотелось, чтобы это была «игра в игре». Вот и придумали шкатулку-трансформер на сцене. Это и улица, и дом, и комнаты. Когда что-то выдвигаем – вдруг прачечная открывается, задвинули-выдвинули стол – теперь это уже кухня. Игру, которая есть у **Бомарше**, которая перешла к Россини и за три века образовалась в оперных и драматических театрах, мы решили продолжить в декорации. Сама драматургия подсказывает. Кроме того, важное обстоятельство

для оперного театра – герои все время поют в зал, но им необходимо играть, петь друг для друга, общаться. А для этого нужна хорошая акустика. Эта декорация ее создает. Такой вот еще лайфхак...

В доме-шкатулке постоянно происходят какие-то удивления, фокусы (художник по декорациям и костюмам **Ксения Кочубей**). Но и они – «в эпохе». Современный, из XXI века, взгляд на времена Бомарше и Россини подчеркивают лишь несколько акцентов: хор, переодетый в маляров, которые заканчивают покраску шкатулки, да сигнальная бело-красная лента, что ограждает места «ремонтных работ». Мелочи! Забавная, но уместная. Продолжающая ту самую «игру в игре», но не подавляющая галантную эпоху Россини.

– Мы не можем перенести «Севильского цирюльника» в сегодня – это не работает. Если сейчас разыгрывать историю, как мужик похитил женщину, не выпускает ее из дома – это криминальная хроника, – улыбается Надежда Столбова. – Чтобы было смешно и интересно, чтобы мы понимали: это нормальная ситуация того времени, надо оставаться в эпохе. При этом она от нас так далека, что какие-то ее при-

меты нам непонятны. Поэтому, выбрав «игру», выбрали и современные приспособления. Решили срастить несколько миров. Люди себя ведут так, как вели бы себя сегодня. Какие-то бытовые подробности – современные, а костюмы – из той эпохи...

Удивления поджидают зрителей и в персонажах. Нет, вокал, как и положено, – ожидаемо блистателен. Но «игра в игре» так густо замешана, что, право же, слушателю не приходится, скучая, дожидаться сольного выхода Фигаро или Розины. Слушатель сам «в игре», в любовных (и чуть-чуть мошеннических) перипетиях оперы. Следить за действием не отрываясь заставляет небольшая корректировка характеров. Не такой уж непогрешимый ментор Дон Базилио (**Михаил Коробейников**), поющий арию о клевете. Иногда и он в расстройстве. Не такой уж традиционный «премьер» Фигаро (**Евгений Бовыкин**). Он здесь больше напарник Розины в ее проказах. Да и остальные герои чуть мягче в своих поступках, чем полагает традиция исполнения. Зато Розина, хоть и в нарядах галантной эпохи, – девушка вполне себе с современным драйвом. У нее на ключице даже... татуировка.

Пусть не хмурятся апологеты классики. Татуировка, легкая усмешка из XXI века, оправдана, сыграет свою роль – когда Розина объясняет опекуна Бартоло, что запачкала чернилами палец не за письмом к любимому, а рисуя на себе цветочек.

– Это тоже перчинка в образе Розины, – говорит солистка оперы меццо-сопрано **Елена Бирюзова**. – Сложность партии лично для меня? Это моя первая проба музыки такого стиля. Россини для меня – challenge, испытание. Мой голос не привык летать в таких колоратурах. Я пела Кармен, Любашу – партии драматические, где и звукоизвлечение другое. Сейчас голос пошел немного вверх. Сначала было сложно. Но в итоге, получается, партия Розины, наоборот, раскрыла мои возможности...

Идея такого «Севильского», полагаю, стала вызовом для всех участников постановки. Станет и для зрителей. Но если не заикливаться на традициях исполнения, то спектакль откроет новую прелесть и самой истории, и ее героев.

Тот, кто с фильмом

Сегодня 90 лет исполняется известному свердловскому режиссеру-документалисту Владиславу Тарику

ВЛАДИМИР МАРТЬНОВ

Наталья ШАДРИНА

В мире документалистики Владислав ТАРИК в дополнительном представлении не нуждается: в золотую коллекцию этого направления в кинематографе навсегда вошла его картина «Тот, кто с песней». Как утверждают многие источники, это была первая в нашей стране документальная комедия. На сегодняшний день на счету Владислава Владимировича более 70 киноработ, он является действительным членом Российской киноакадемии «Ника» и почетным кинематографистом России.

Владислав Тарик родился в Свердловске, в 1958 году пришел поработать на Свердловскую киностудию ассистентом оператора и остался в кино на всю жизнь. Через три года ему доверили снимать сюжеты для киножурнала, а затем и документальное и научно-популярное кино.

Владислав Владимирович как оператор работал со многими известными режиссерами: **Борисом Галантером**, **Борисом Урицким**, **Львом Ефимовым**.

В качестве режиссера Тарик снял более 30 картин, включая самую известную – «Тот, кто с песней», она вышла на экран в 1988 году, выиграв призы престижных фестивалей и став одной из любимых у зрителей. Это документальная комедия о композиторе-песеннике **Евгении Шикунове**, который ездил по разным городам и не без успеха предлагал всем предприятиям один и тот же производственный гимн.

Уверены, зрители помнят и другие замечательные фильмы режиссера – «Египтянин», «Мужчина в доме, или Кевин Кейн в стране большевиков», «Графика Якутии», «Ходоки»... Мастерство, оригинальность, преданность профессии высоко ценят коллеги-кинематографисты, а фильмы Владислава Тарика по сей день служат учебными пособиями для студентов Высших режиссерских курсов и ВГИКа.

– Владислав Тарик – корифей отечественного документального кино. Выдающийся режиссер и оператор, пришедший в кино при Хрущеве. За один из последних своих фильмов – «Счастливое детство» – он получил губернаторскую премию. Его фильмография вызывает искреннее восхищение, а вклад в уральский кинематограф достоин безусловного уважения. Фильмы, в титрах которых значится фамилия Тарика, – это огромные миры, в центре которого всегда Человек. В них погружаются все новые поколения зрителей и учатся молодые кинематографисты. Владислав Владимирович потрясает ясностью ума, отменным чувством юмора и огромной любовью к делу, которому он, до сих пор не выпускающий из рук кинокамеру, посвятил всю свою жизнь... – отметили в региональном отделении Союза кинематографистов России.

